

Схватка с предком семьи Инь принесла Цзян ХаньЯ множество неожиданных озарений. Их оказалось куда больше, чем за все те несколько месяцев, что он провел в странствиях.

Система сил этого мира казалась ему чуждой и окутанной тайной, однако именно она позволила Цзян ХаньЯ значительно расширить свой кругозор. Предок семьи Инь достиг стадии зарождающейся души, что обеспечивало ему средний уровень боевой мощи в этом мире. Благодаря этому в бою Цзян ХаньЯ не пришлось сдерживаться ни на йоту.

Он медленно закрыл глаза, полностью погружаясь в это странное, таинственное ощущение. По мере того как к нему приходило истинное понимание сути вещей, его внутреннее ядро начало постепенно менять свой цвет.

Культивация на континенте Черной Черепахи заключалась в неустанном поглощении духовной энергии, её постепенном сжатии и последующей конденсации в твердое ядро. Затем наступал этап непрерывной шлифовки, целью которой было сжать в ядре как можно больше мощи. Этот процесс продолжался вплоть до достижения стадии младшего императора, когда ядро следовало разбить добровольно.

В системе сил этого мира также существовал этап, напоминающий формирование ядра, однако здесь его разделили на две отдельные стадии. Первой была стадия золотого ядра, в ходе которой внутри тела формировалось соответствующее золотое ядро. Затем следовала стадия зарождающейся души, когда из золотого ядра «вылуплялось» так называемое «истинное я».

На данный момент Цзян ХаньЯ находился на стадии Сокровенного Предела, и в его теле уже было сформировано ядро. Снова закрыв глаза, он заглянул вглубь себя: там, в тишине, медленно и спокойно вращалось ядро, излучающее легкое белое мерцание.

Цзян ХаньЯ направил потоки духовной энергии, осторожно пробуя приступить к шлифовке своего ядра. Поскольку системы сил существенно различались, он понимал, что нельзя слепо копировать чужие методы. То, чтобы «истинное я» вылупилось из ядра, как это происходило на стадии зарождающейся души в этом мире, было для него попросту невозможно.

Однако Цзян ХаньЯ сумел придумать иной путь. Он по крупицам, с предельной осторожностью, направлял энергию на шлифовку своего ядра. Кристаллическая поверхность ядра начала постепенно стачиваться, но Цзян ХаньЯ не чувствовал ни малейшего дискомфорта. Напротив,

он ощущал, как его внутренняя сила становится всё более мощной.

«Работает!» – пронеслось в его голове.

Он сосредоточился и продолжил процесс шлифовки. Прошло неизвестно сколько времени, но ядро, которое изначально напоминало кристалл, постепенно начало обретать очертания крошечной человеческой фигурки. А те части, что были сошлифованы в процессе, не исчезли бесследно. Они скопились у ног маленькой фигурки, образовав своего рода постамент, форму которого на данный момент еще было трудно разобрать.

«Дело сделано!»

Цзян ХаньЯ с нескрываемой радостью разглядывал свое обновленное ядро. Маленькая фигурка выглядела довольно грубо, черты лица и общие очертания внешности оставались размытыми. Тем не менее, она излучала некую внутреннюю живость, и было совершенно очевидно, что эта фигурка представляет собой самого Цзян ХаньЯ.

Ядро в форме фигурки больше не вращалось; оно ровно и спокойно парило внутри его тела. После завершения этой шлифовки Цзян ХаньЯ почувствовал, что его сила возросла многократно, увеличившись почти в десять раз.

В дальнейшем требовалась кропотливая, монотонная работа: необходимо было постоянно промывать и шлифовать ядро духовной энергией во время практики, точно так же, как он делал это раньше. Однако в этом мире культивации не было доступной духовной энергии, поэтому дальнейшую шлифовку пришлось временно отложить.

Цзян ХаньЯ открыл глаза. И в тот же миг он почувствовал... голод.

Голод! Невыносимый, всепоглощающий голод!

Поглощать духовную энергию было негде, восполнить силы в ходе практики – тоже, и после долгого воздержания от пищи он, естественно, был совершенно изможден. Просто Цзян ХаньЯ был слишком глубоко погружен в процесс самосовершенствования и совершенно не замечал своего состояния.

Теперь же все мистические таинства и высокие практики отступили перед самой простой, приземленной и острой человеческой потребностью – желанием поесть.

Цзян ХаньЯ прижал руку к животу и на мгновение опешил от неожиданности. Он никогда в жизни не испытывал такого сильного голода и поначалу даже подумал, что у него просто болит живот.

- Ты наконец очнулся? – раздался голос Инь Цичи.

Цзян ХаньЯ повернул голову и увидел, что Инь Цичи осторожно протягивает ему какой-то пакет с чем-то совершенно непонятным внутри:

- Хочешь поесть?

- М-м, спасибо, – тихо ответил Цзян ХаньЯ.

Придя в себя, Цзян ХаньЯ развеял защитную формацию, окружавшую его, и принял предложенную еду. Она была мягкой, полупрозрачной, и совершенно непонятно было, из чего именно она сделана. Однако рядом с Инь Цичи лежало множество подобных упаковок – должно быть, это была какая-то особенная еда, принятая в их мире.

Ничего не подозревая, Цзян ХаньЯ откусил небольшой кусочек. И в следующее же мгновение чуть не выплюнул его обратно.

«Что это за гадость?!»

Липкая, мягкая и в то же время на удивление жесткая, эта субстанция обладала каким-то странным рыбным, приторным и совершенно невообразимым привкусом. С огромным усилием воли Цзян ХаньЯ всё же проглотил этот кусок «еды». Однако к остальному содержимому пакета он больше не притронулся.

Он сжал пакет в руке так, что тот безнадежно деформировался, и уставился на Инь Цичи с выражением невероятного изумления на лице.

Инь Цичи заметил этот недоверчивый и слегка осуждающий взгляд Цзян ХаньЯ. В глубине души он усмехнулся, но на лице изобразил полную невинность и легкую растерянность, словно совершенно не понимал, что именно он сделал не так:

- Прости, не по вкусу?

Он засуетился и достал небольшую бутылочку с питательной жидкостью, протягивая её Цзян ХаньЯ:

- Со вкусом клубники, очень вкусная.

Цзян ХаньЯ подозрительно посмотрел на него и только хотел было что-то спросить, как его живот снова громко заурчал. Подгоняемый невыносимым голодом, он открутил крышку и сделал осторожный глоток.

На этот раз тошнотворного чувства не возникло. Однако это вовсе не означало, что этот «клубничный вкус» был действительно хорош.

Всё равно какая-то гадость.

Приторная, монотонная сладость в сочетании с какой-то странной пылевидной взвесью в жидкости вызвали у Цзян ХаньЯ яркую ассоциацию с грязной водой, оставшейся после мытья котла.

Цзян ХаньЯ: - ...

Его настроение мгновенно упало до нуля.

- И это тоже не нравится? - осторожно поинтересовался Инь Цичи, заглядывая ему в лицо.

Цзян ХаньЯ вернул бутылку Инь Цичи. Он только хотел что-то сказать, как его взгляд снова упал на гору упаковок, и воспоминания о вкусе этой еды нахлынули на него с новой силой.

«...Я позволил себе роскошь и купил бутылочку клубничной питательной жидкости...»

Если то, что он сейчас пил, называлось питательной жидкостью, значит, та субстанция, что была до этого, – обычный пищевой гель.

Цзян ХаньЯ наконец смог связать воедино разрозненные концепции, которые до этого лишь обрывками мелькали в его голове, и сопоставить их с окружающей реальностью. Слова уже были наготове, но в последний момент он решил изменить формулировку:

– Ты раньше питался только этим?

– М-м, да, – Инь Цичи продолжал допивать возвращенную ему «воду из-под котла»... вернее, питательную жидкость, и на его лице даже появилось выражение искреннего довольства.

Цзян ХаньЯ смотрел на него с крайне странным, нечитаемым выражением лица.

– Нет, – Инь Цичи допил жидкость, словно внезапно опомнившись, – питательная жидкость – это роскошь. Обычно я ем пищевой гель.

Цзян ХаньЯ бросил взгляд на гору пластиковых пакетов, и тот тошнотворный, липкий вкус снова отчетливо всплыл в его памяти. Его конечности и без того ослабли от изнуряющего голода, но когда перед глазами вновь предстали пищевой гель и эта сомнительная питательная жидкость, Цзян ХаньЯ внезапно почувствовал, как в теле неожиданно прибавилось сил.

– Я пойду поймаю какого-нибудь зверя, скоро вернусь.

Цзян ХаньЯ вернулся на удивление быстро. Из-за сильного голода он не стал привередничать и выбирать добычу: увидев зверя, внешне похожего на быка, он сразу же прикончил его одним точным ударом.

Однако, вернувшись в пещеру и намереваясь достать свою добычу, он внезапно обнаружил, что труп зверя в накопителе просто нет.

Цзян ХаньЯ: – ...

В этот момент ему показалось, что небо рухнуло ему на голову. Он вспомнил об этой проклятой системе межмировой торговли!

Цзян ХаньЯ, окончательно обессиленный голодом, не стал тратить силы на споры с системой. Он просто подхватил Инь Цичи и потащил его за собой, чтобы тот сам помогал собирать и транспортировать добычу. После некоторых мытарств им наконец удалось притащить тушу зверя в пещеру.

Но возникла новая проблема: Цзян ХаньЯ никогда в жизни не разделывал туши животных и теперь в полном замешательстве стоял перед массивным трупом. Он всегда получал всё в готовом виде, а даже во время своих странствий, находясь под защитой клана Цзян, везде встречал самый лучший и радушный прием.

Инь Цичи тут же вызвался помочь:

- Я умею.

Он привычными, отточенными движениями содрал шкуру и выпустил кровь, вонзая кинжал в плотное мясо и аккуратно разрезая его вдоль волокон. Вскоре всё было готово, и мясо начали жарить на огне.

За то долгое время, что Инь Цичи провел в этом месте, его навыки приготовления мяса на открытом огне значительно прогрессировали. Вскоре оно зашипело, и по всей пещере распространился густой, невыносимо аппетитный аромат.

У них не было никаких специй, и Цзян ХаньЯ, привыкший к изысканным кулинарным деликатесам, в любой другой ситуации должен был бы низко оценить это простое, безвкусное мясо. Но сейчас делать было нечего: после того как он только что пережил двойной удар в виде пищевого геля и питательной жидкости, Цзян ХаньЯ был более чем доволен этим простым жареным мясом.

Инь Цичи хотел было заговорить с ним, но Цзян ХаньЯ выглядел настолько изголодавшимся, что кусок за куском отправлял мясо в рот, не останавливаясь ни на секунду. У него просто не оставалось времени на разговоры. И всё же, несмотря на такую скорость, в движениях Цзян ХаньЯ сохранялась природная грация; он вовсе не выглядел грубым или жадным.

Инь Цичи молча продолжал жарить мясо. Зверь, которого притащил Цзян ХаньЯ, был быком, причем очень крупным. Но Цзян ХаньЯ съел почти половину всей туши, прежде чем почувствовал хоть какое-то подобие насыщения.

Инь Цичи посмотрел на его блестящие от жира губы, а затем на всё еще плоский живот. Куда, черт возьми, делась половина быка?

Цзян ХаньЯ заметил его недоумение и спокойно ответил:

- Я не могу поглощать духовную энергию из этого зверя, поэтому для меня он почти не отличается от обычных животных. В обычной еде, лишенной духовной энергии, нет истинной силы, поэтому нужно съесть очень много, чтобы по-настоящему наесться.

Обычно Цзян ХаньЯ не ел так много, но кто заставил его медитировать три-четыре дня подряд, не отвлекаясь ни на что?

Чувство голода постепенно отступало, и Цзян ХаньЯ начал есть медленнее. Инь Цичи наконец взял кусок мяса себе и, медленно жуя, попытался завязать разговор. Конечно, он не забыл про свою легенду: благодарность, жалость к себе, мысль о том, что собеседник - единственный свет в его жизни.

Хотя в действительности Инь Цичи совсем так не думал, его актерская игра была безупречной, и он изображал всё крайне убедительно.

Цзян ХаньЯ, встретившись с его взглядом, на мгновение замер. Ему стало не по себе. Появилось странное ощущение, будто всё тело внезапно закололо тысячами иголок...

Затем Цзян ХаньЯ услышал голос Инь Цичи - нерешительный, словно тот с трудом пытался подобрать тему для разговора:

- В той книге было написано, что в будущем я убью тебя?

- М-м, - Цзян ХаньЯ кивнул без каких-либо особых эмоций и продолжил есть.

Инь Цичи был крайне удивлен такой стабильностью его настроения. Внешне он по-прежнему выглядел робким:

- Ты... ты не ненавидишь меня?

- За что ненавидеть? - ответил Цзян ХаньЯ. - Путь боевых искусств жесток. Я и сам убил немало людей. Если однажды я паду от меча другого, то смогу винить в этом лишь собственное неумение.

Он сделал паузу и продолжил:

- Ты не использовал интриги и коварство, а честно победил меня, так что мне не за что тебя ненавидеть.

Он взглянул на Инь Цичи и спокойно добавил:

- Тебе не нужно думать, что ты сделал что-то не так. Победа есть победа. Если бы я победил тебя, то тоже убил бы. Кто будет жить, а кто умрет - зависит исключительно от способностей каждого.

Инь Цичи уже знал о характере Цзян ХаньЯ из книги, но, услышав эти слова вживую, всё же слегка вздрогнул.

- Ты - гордость великого клана, а я лишь человек низкого происхождения...

Цзян ХаньЯ резко прервал его:

- Раз уж мы попали в новый мир, забудь о правилах прежнего.

Он добавил:

- Хотя на континенте Черной Черепахи тоже существует деление на знатных и простолюдинов, самое важное и незыблемое правило здесь - это почитание силы. Статус напрямую зависит от мощи. Если ты достаточно силен, твой статус поднимется сам собой.

Цзян ХаньЯ внимательно посмотрел на выражение лица Инь Цичи и отрезал:

- Ты смог пробиться вперед, имея низкое происхождение, и в итоге стоишь сейчас передо мной. Ты должен гордиться собой, а не питать странные мысли из-за какого-то призрачного происхождения.

- А...

Инь Цичи улыбнулся:

- Вот как? Я понял.

«Почему он такой серьезный?» - подумал Инь Цичи. - «Такой милый! Боже, как он может быть таким милым!»

<http://bllate.org/book/17943/1720831>